

на, к нему по очереди подходят Бубнов, актер, Настя, и он, как ксендз, слушает их исповедь и так же, как ксендз, ударяет по стенке ящика три раза, давая тем понять, что исповедь окончена. Очень интересным оказался в спектакле Бубнов — это характер сильный, это настоящий мастер, смелый, для него еще не все в жизни потеряно.

В образе Барона чувствуется вся его биография. Он умеет держаться с достоинством, и в то же время это совершенно опустившийся босяк. Он не любит Настю, издевается над ней. Но вот он идет, чтобы помириться с ней, входит ее с улицы, радуясь, что она простила его. Они торжественно спускаются по лестнице в подвал, остановились на площадке, и вдруг все преобразилось, перед нами не Настыка, а героиня тех романов, которые она со слезами читает каждый день, а он не босяк, а барон, блестящий аристократ, и кажется, что на нем не отренья, а кавалергардский мундир. Элегантно склоняется он перед своей героиней на одно колено и целует небрежно протянутую руку. Но это — мгновение. Раздается хохот почлежников. Видение исчезает.

Очень интересно поставлена последняя картина. Ночлежка. Ночь. Мерцают огоньки лампы, столы сдвинуты в ряд на авансцене, молча задумались сидящие за столом жители дна. По-

середине Сатин, он говорит тихо, торжественно. Идет как бы тайная вечеря. Сатин говорит о Луке с уважением, с сожалением, что его нет среди них. И так же мягко он говорит о Человеке. «Человек — это звучит гордо». И вдруг все оживает, босяки начинают смеяться, смех переходит в хохот, вот загнул Сатин, это о них-то — «Человек звучит гордо». Тоже, выдумал, ну и насмешник. И в их хохоте звучит рыдание, горький смех над собой. Но голос Сатина заглушает смех. Он говорит: «Так выльем же за Человека», — и внезапно прекращается хохот, наступает молчание, все как один встают и в тишине пьют, как бы в минуту молчания, прощаясь с Человеком. А потом снова разговор, песни «Солнце всходит и заходит...». И понятно, почему последней реплики Сатина «Испортил песню, дурак» нет, — она не отвечает всей тональности финала спектакля. Так по-разному, как мы убедились, но с одинаковым творческим вдохновением польские театры решают идейно-художественный смысл драматургии Горького.

Из современных советских пьес в Польше широко идут произведения Арбузова. На фестивале были показаны «Мой бедный Марат», «Таяя», «Ночная исповедь» и «Иркутская история». На финальном показе в Катовицах мы видели «Иркутскую историю» в парижском

*«На берегу
Невы»
К. Тренева.
Театр имени
Ю. Словацкого.
Краков*

«Клоп»
Вл. Маяков-
ского
Театр
Вспулчесны.
Вроцлав

театре Вспулчесны в постановке известного польского режиссера Эрвина Аксера. Это приятный, в лирической тональности решенный спектакль, трогательный своей теплотой и человечностью. Тема личной судьбы, как судьбы человеческой, где счастье и горе ходят рядом, отлично донесла актриса Марта Линишская в роли Вали. Общей лирической окраске спектакля способствовал артист Тадеуш Филевский, один исполняющий роль хора. По замыслу режиссера он как бы воплощает мудрость жизни. Текст он преподносит тихо, грустно, с душевной мягкостью. От него как бы идет по всему спектаклю лирическая волна, и даже сцены свадьбы, в общегитании, на гулянке, звучат чуть приглушенно, негромко. Надо отметить, что внешний облик персонажей точно совпадает с видом наших советских современников, грим и костюмы как бы скопированы с наших рабочих-строителей. В спектакле заняты талантливые актеры. Рабочий бригадир Сердюк — Генрик Боровский, Сергей — Мечислав Чехович, Виктор — Юзеф Молберчак, Лариса — Рышарда Хашин создают жизненное окружение Вали, каждый по-своему ярко раскрывает характерные особенности каждой роли. Образ Вали, центральный в спектакле, резко отличается от образов персонажей, ее окружающих. Они бытовые, конкретные — это люди труда и той

культуры, которая дается трудом. Валя — хрупкая, нежная, несколько отвлеченная от быта. Контраст подчеркивается тем, как играет Сергей М. Чехович. Артист явно комического амплуа, он очень правдив и очень смешон. Все, что он делает на сцене, вызывает улыбку, порой смех в самых лирических местах. Он лиричен, но комически, одним словом, не герой, а влюбленный простак. Стремление добиться жанровой характеристики иногда в спектакле приводит к такому «простецкому тону». Но во многих местах (особенно свадьба и гулянка на берегу реки) и Сергей, и Сердюк, и Лариса весьма колоритны, жанровость здесь уместна. Итак, мы побывали среди наших современников, и правдивость событий в «Иркутской истории» не нарушена, она живет и за пределами Иркутска, в Варшаве.

Спектакли «Скутаревский» в Театре имени Высянского и «На берегу Невы» в Краковском театре имени Словацкого оказались менее интересными, несмотря на то, что коллективы этих театров высоко профессиональны, имеют в своем составе отличных актеров и опытных и известных режиссеров. Объяснить это, на мой взгляд, можно только тем, что, взяв старые революционные пьесы 30-х годов, с успехом шедшие на советской сцене много лет назад, режиссеры не учли того в их содер-